

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Лухманов Максим Иванович

**Модель деликтной ответственности в ситуациях альтернативной
причинной неопределенности**

Специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки
(12.00.03. – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2022

Диссертация выполнена на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель – *Третьяков Сергей Васильевич,*
доктор юридических наук, доцент

Официальные оппоненты – *Белов Вадим Анатольевич,*
доктор юридических наук
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
юридический факультет, кафедра
коммерческого права и основ правоведения,
профессор;
Каранетов Артем Георгиевич,
доктор юридических наук,
АНО ДПО «Юридический институт «М-Логос», директор;
Михайлов Владимир Сергеевич,
кандидат юридических наук,
Коллегия адвокатов «Монастырский,
Зюба, Степанов и Партнеры», помощник
адвоката – старший юрист.

Защита диссертации состоится «19» октября 2022 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.051.1 (МГУ.12.03) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13-14, 4-й учебный корпус, Юридический факультет, ауд. 536а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/475904322/>.

Автореферат разослан «__» сентября 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

Н.В. Щербак

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблемы причинно-следственной связи приобрели актуальность в частном праве на самых ранних этапах его развития. Задолго до серьезной концептуализации, обобщения и глубокого анализа вопросы причинности в праве и материальной действительности оказались на повестке юридической практики. Актуальность данной проблематики для развития правовой системы невозможно переоценить: деликтное право захватывает в сферу своей защиты первостепенные субъективные права, блага и интересы, обеспечивающие существование свободной личности в обществе. В свою очередь, участие субъекта в гражданском обороте, прежде всего посредством добровольного (договорного) обмена, становится тем более защищенным, чем надежнее охраняется правовая сфера лица от произвольных вторжений в нее третьих лиц и недобровольного обмена. В этой системе защиты причинная связь выступает необходимым условием ее осуществления, так что понимание данного элемента гражданско-правовой ответственности во многом предопределяет уровень предсказуемости правовых последствий человеческого поведения и границы личной свободы.

Одной из наиболее сложных областей деликтного права вообще и учения о причинной связи в частности принадлежат ситуации причинной неопределенности, или осложненной причинно-следственной связи. В отечественной литературе можно встретить несколько вариантов классификации всех случаев причинной неопределенности. Например, С.В. Назариков выделяет альтернативную причинность (включая случаи альтернативности потерпевших) и кумулятивную причинность (включая опережающую причинность)¹; Д.О. Епихина в своем исследовании последовательно обсуждает альтернативную причинность, кумулятивную

¹ Назариков С.В. Некоторые теоретические и практические аспекты причинно-следственной связи в контексте деликтной ответственности // Вестник гражданского права. 2016. № 6. С. 173, 183–193.

причинность и опережающую причинность²; В.С. Михайлов рассматривает альтернативную причинность (включая в нее случаи утраты шанса на благоприятный исход), кумулятивную причинность, опережающую причинную связь и вытесняющую причинную связь, отдельно обсуждает проблему перерыва причинной связи³.

Как видно из изложенного, разновидностью категории неопределенной причинно-следственной связи является ситуация альтернативной причинной неопределенности, или альтернативной каузальности. Данная ситуация возникает, когда перед судом установлена ограниченная группа из нескольких возможных причин вреда, среди которых достоверно есть одна или несколько фактических причин вреда, однако установить фактическую причину вреда из группы альтернативных причин в соответствии с обязательным в данной процессуальной форме стандартом доказывания для суда в состязательном процессе невозможно⁴. Дошедшая до нас заочная полемика великих римских

² Епихина Д.О. Ответственность за совместно причиненный вред // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 8. С. 95–97.

³ Михайлов В.С. Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения // Вестник гражданского права. 2018. № 3. С. 113–157.

⁴ См. для сравнения в зарубежной литературе: Infantino M., Zervogianni E. Summary and Survey of the Results / Causation in European Tort Law / Ed. by M. Infantino, E. Zervogianni. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 631 («Термин “альтернативная причинно-следственная связь” используется для описания случаев причинной неопределенности, когда более чем один фактор потенциально мог привести к причинению вреда, но невозможно установить, какой из них фактически вызвал его»); German Civil Code. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Vol. I. Books 1-3: §§ 1-1296. Article-by-Article Commentary. Ed. by G. Dannemann, R. Schulze, J. Watson (Assistant Ed.). Munich/Baden-Baden: C.H. Beck/Nomos, 2020. P. 1634 (автор комментария к § 830 ГГУ – U. Magnus: «Альтернативная причинная связь обозначает ситуацию, в которой вклад каждого вовлеченного лица по отдельности мог причинить тот вред, который последовал, но остается не установленным, кто из двух или более участников фактически причинил вред»); Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. Wien: Jan Sramek Verlag KG, 2012. P. 140 («Проблема здесь заключается в том, что потерпевший претерпевает ущерб, который определенно был причинен либо событием 1, либо событием 2, но невозможно установить, какое из этих событий на самом деле было причиной»); Oliphant K. Causation in Cases of Evidential Uncertainty: Juridical Techniques and Fundamental Issues // Chicago-Kent Law Review. 2016. Vol. 91. Iss. 2. P. 587 («Альтернативная причинная связь представляет собой ситуацию, когда существуют два и более конкурирующих объяснения того, как вред потерпевшего был причинен, и деликтное поведение ответчика выступает частью одного объяснения, но не частью другого (других)»). Ст. 3:103(1) Принципов Европейского деликтного права (Principles of European Tort Law, PETL) описывает альтернативную причинную неопределенность как ситуацию множества деяний (*multiple activities*), когда каждое из них в отдельности было бы достаточно для причинения вреда, но остается неопределенным, какое деяние фактически причинило вред. См.: European Group on Tort Law. Принципы европейского деликтного права. URL: <http://civil.udg.edu/php/biblioteca/items/296/PETLRussian.pdf> (дата обращения: 14.08.2022). См. также ст. VI.-4:103 Модельных правил Европейского частного права (Draft Common Frame of Reference, DCFR) («Альтернативные причины»): «Если юридически значимый вред мог быть причинен любым одним или более чем одним из числа явлений, за которые отвечают различные лица, и установлено, что вред был причинен одним из этих явлений, но не установлено, каким именно...» (Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference / Ed. by C. von Bar, E. Clive and H. Schulte-Nölke. Full Edition. Sellier, 2009. URL: http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf

юристов Юлиана и Ульпиана на страницах Дигест показывает, что ситуации альтернативной каузальности начали возникать еще на заре развития деликтного права⁵, однако в обобщенном виде данная проблема анализируется в литературе, ставится на нормативном уровне и обсуждается в судебной практике всего не более пары столетий.

Дополнительно обостряют проблематику альтернативной причинной неопределенности основополагающие принципы и структурные ограничения базовых категорий классического деликтного права *de lege lata*, а также традиционные процессуальные правила доказывания и процессуального познания суда в состязательном цивилистическом процессе, последовательное применение которых первоначально вело к отказу в возмещении вреда потерпевшему. Интуитивно осознаваемая несправедливость такого подхода в отсутствие широкого развития публично-правовых систем возмещения вреда по принципу общественного страхования заставила судебную практику и литературу искать иные способы решения проблемы альтернативной каузальности, обосновывая их релевантность существующей правовой системе или выступая за ее коренную перестройку в соответствии с новыми началами.

Степень научной разработанности темы. Проблема альтернативной причинной неопределенности не получила обстоятельной разработки ни в дореволюционной, ни в советской цивилистической литературе. Причины

(дата обращения: 14.08.2022)). В том же ключе см.: Bydlinski F. Aktuelle Streitfragen um die alternative Kausalität / Festschrift für Günther Beitzke zum 70. Geburtstag am 26. April 1979 / Ed. by O. Sandrock. Berlin, Boston, De Gruyter, 2020. S. 3ff.; Kruse C. Alternative Kausalität im Deliktsrecht. Eine historische und vergleichende Untersuchung. Berlin: Lit Verlag, 2006. S. 1–3; von Tuhr A. Allgemeiner Teil des Schweizerischen Obligationenrechts. Erster Halbband. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1924. S. 79; van Dam C. European Tort Law. 2nd Edition. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 329–330; Steel S. Proof of Causation in Tort Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 139; Osborne P.H. The Law of Torts. 5th Edition. Toronto: Irwin Law, 2015. P. 62–63. В российской литературе см.: Гражданское право: учебник. В 4 т. Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1: Общая часть. М., 2019. С. 528 (автор гл. 13 – А.А. Ягельницкий); Назариков С.В. Указ. соч. С. 184; Михайлов В.С. Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения. С. 113; Епихина Д.О. Указ. соч. С. 95–96, 99–100, 103–104, 108–109.

⁵ См. D. 9.2.11: «Ульпиан в 18-й книге «Комментариев к эдикту». <...> Если несколько лиц наносили рабу удары (от которых раб умер), то посмотрим, отвечают ли все за убийство. И если будет установлено, от чьего удара погиб раб, то он (нанесший этот удар) отвечает за то, что убил; если это не обнаружено, то, как говорит Юлиан, все отвечают за то, что убили, и если иск предъявлен к одному, то другие не освобождаются. Ведь согласно Аквиллиеву закону, если один привлекается к ответственности, другой не освобождается, если на нем лежит вина». См.: Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. II. 2-ое изд. М., 2008. С. 399 (авторы перевода – Т.А. Бобровникова, И.С. Перетерский).

этого, по-видимому, различны для отечественной науки дореволюционного и советского периодов.

Бурное развитие отечественной частноправовой доктрины на рубеже XIX-XX вв. совпало с первыми результатами обобщения и осмысления ситуаций альтернативной каузальности за рубежом. Уже в мотивах к Проекту гражданского уложения Российской империи 1899 г. (Проект ГУ РИ) видно, что его составители были прекрасно осведомлены о содержании и значении предл. 2 абз. 1 § 830 Германского гражданского уложения (ГГУ), которое считается первым успешным примером решения проблемы альтернативной каузальности на позитивно-правовом уровне. Однако в отсутствие серьезных разработок этой темы в отечественной доктрине составители Проекта ГУ РИ «вложили» решение проблемы альтернативной причинной неопределенности в общую норму о солидарной ответственности за совместное причинение вреда (ст. 1076 ред. 1899 г.⁶, ст. 2612 сводной ред. 1905 г.⁷), без специальной оговорки, подобной предл. 2 абз. 1 § 830 ГГУ, и дополнительных объяснений, выделявших специфику и основание деликтной ответственности в данной группе ситуаций. Проблема альтернативной каузальности действительно тесно связана с категорией совместного причинения вреда, и эта взаимосвязь была запечатлена в предл. 2 абз. 1 § 830 ГГУ. С учетом того, что ответственность за совместное причинение вреда уже получила к тому времени относительно подробную разработку в российской литературе⁸, нормативное решение, избранное составителями Проекта ГУ РИ, может быть обосновано контекстом состояния отечественной доктрины того времени и естественным стремлением уместить новые ситуации и категории, постепенно проникавшие в российский цивилистический дискурс, в устоявшуюся систему

⁶ Гражданское уложение. Кн. 5. Обязательства. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Т. 5. Ст. 937–1106 с объяснениями. СПб, 1899. С. 514–515.

⁷ Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения. СПб, 1905. С. 250.

⁸ См., например: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства. М., 2003 («Классика российской цивилистики»). С. 564; Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. IV: Отдельные обязательства. СПб., 1904. С. 428–430, 433–438, 499–500; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911. С. 584; Синайский В.И. Русское гражданское право. Вып. II: Обязательственное, семейное и наследственное право. Киев, 1915. С. 241.

понятий.

Однако восприятие и освоение передового зарубежного опыта, в том числе в вопросах альтернативной каузальности, оказалось прервано событиями 1917 г. Советская доктрина, наследуя дореволюционной литературе, немало внимания уделяла вопросам деликтной ответственности за совместно причиненный вред⁹, но практически не затрагивала случаи альтернативной каузальности¹⁰, не рассматривая их как материально-правовую и нормативную проблему для советского деликтного права. Представляется, что недостаточное внимание советской литературы к проблематике альтернативной каузальности невозможно объяснить только лишь прерванным процессом обмена и коммуникации или возросшим языковым барьером. Многие советские ученые, признанные классики отечественной цивилистики, продолжали отслеживать передовой зарубежный опыт и адаптировать его к советским условиям, используя самые разные приемы в условиях ограниченной возможности прямого цитирования. Можно осторожно предположить, что развитию категории альтернативной каузальности в советском цивилистическом дискурсе отчасти мешало идеологически обусловленное враждебное отношение многих авторов к так называемым идеалистическим концепциям причинной связи (Д. Юм, Дж. С. Милль и другие), которые трактовались как субъективно-ориентированные теории и следствия «неправильных» идей агностицизма или скептицизма по поводу познаваемости окружающего мира. Вместо этого многие советские авторы, особенно в послевоенное время, обосновывали как единственно верные объективно-ориентированные материалистические

⁹ См., в частности: Варшавский К.М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда. М., 1929. С. 164–168; Гражданское право: учебник / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. I (М.М. Агарков, С.Н. Братусь, Д.М. Генкин). М., 1944 (приводится по: Агарков М.М. Гражданское и торговое право: источники, категории, институты, конструкции (педагогическое наследие). В 3 кн. Кн. 3: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / сост. В.А. Белов. М., 2018. С. 77–78); Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 317; Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда. Л., 1951. С. 64–68; Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951. С. 152–157.

¹⁰ В качестве редкого исключения можно выделить работы В.А. Тархова, который обсуждал классический казус с двумя охотниками и потерпевшим, но прежде всего в уголовно-правовом контексте по мотивам соответствующей судебной практики: Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. Чебоксары, 1997. С. 321–322.

теории, общей платформой которых служили представления К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина о наличии в мире объективных и, главное, принципиально познаваемых закономерностей, центральная роль в выяснении которых отводилась советскому суду, занимавшему, как было тогда принято, активную позицию искателя материальной истины. Время показало, что непоколебимая вера во всемогущество науки и убежденность в абсолютной познаваемости мира по-прежнему остаются крайне спорными идеями¹¹. Тем более проблематичным представляется тезис о возможности безоговорочного переноса любой философской и методологической основы научного познания в гражданский процесс, где суд должен исполнять гносеологическую функцию, подобно настоящему ученому: имплицитная посылка о тождественности правил, методов и стандартов научного и процессуального познания не выдерживает критики. Однако сциентизм советской доктрины, помноженный на материалистическую философскую основу, привел к тому, что советская литература и судебная практика в принципе не допускали ситуацию невозможности установления причинно-следственной связи: суд должен был констатировать либо ее наличие, либо ее отсутствие, и каждый такой вывод должен был представлять собой прежде всего объективную истину, правду о действительном положении дел и имевших место в прошлом фактических обстоятельствах, а не результат состязательного процесса (с учетом его цели установления определенности в материально-правовых отношениях сторон). Прямо декларируемая в литературе и судебной практике недопустимость смещения вероятности причинной связи с самой причинной связью¹² служила определенной идеологической завесой для вероятностных суждений относительно причинной связи, формирующих убежденность в ее наличии или отсутствии в конкретном деле и неизбежно

¹¹ См. подробнее о вероятностном характере современных научных представлений о причинно-следственной связи, помещенных в юридический контекст Г. Кельзенем: Лухманов М.И. Вероятностный характер научных представлений о причинно-следственной связи как аргумент в пользу пропорциональной ответственности в ситуации альтернативной каузальности // Законодательство. 2022. № 6. С. 7–12.

¹² См., например: Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Указ. соч. С. 310–312.

свойственных любой процессуальной системе¹³.

С распадом СССР было упразднено деление философских систем, дескриптивных моделей мира и гносеологических методов на официально «правильные» и «неправильные», открылись границы и снизились языковые барьеры, в связи с чем не заставило себя ждать проникновение в отечественную цивилистику передового зарубежного опыта, в том числе новейших разработок в области альтернативной каузальности – особенно с учетом того, что в западных странах литература и судебная практика по рассматриваемой теме совершили большой скачок в развитии во второй половине XX в. Начиная примерно с 2010-х гг. можно отметить возросший интерес отечественной доктрины к проблематике причинно-следственной связи и смежным вопросам деликтного права. Из современной литературы на русском языке следует выделить работу С.В. Назарикова, познакомившего отечественную юриспруденцию с актуальными тенденциями развития учения о причинной связи за рубежом¹⁴. После этого были опубликованы исследования Д.О. Епихиной¹⁵ и В.С. Михайлова¹⁶, которым удалось, в частности, подвести зарубежный опыт к российской действительности, подробно проанализировав разработки дореволюционной и советской литературы в сравнительно-правовой перспективе. Отдельные вопросы причинной связи обсуждаются сегодня как в аспекте соотношения с иными элементами деликтной ответственности¹⁷, так и в других специальных

¹³ См. подробнее: Лухманов М.И. Установление фактической причинной связи в деликте // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 121–128.

¹⁴ Назариков С.В. Указ. соч.

¹⁵ Епихина Д.О. Указ. соч.

¹⁶ Михайлов В.С. Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения; Михайлов В.С. К вопросу о допустимости возмещения расходов, понесенных независимо от факта причинения вреда // Закон. 2019. № 3. С. 67–75; Михайлов В.С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 82–144; Михайлов В.С. Природное явление и перерыв причинной связи. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.08.2019 № 11-КГ19-15 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 4. С. 4–14; Михайлов В.С. Влияние предрасположенности потерпевшего на возмещение причиненного ему вреда // Закон. 2020. № 6. С. 84–94; Михайлов В.С. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/Михайлов Владимир Сергеевич. М., 2021. – 239 с.

¹⁷ Ягельницкий А.А. К вопросу о вине потерпевшего. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.02.2017 № 305-ЭС16-14064 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 3. С. 21–26; Евстигнеев Э.А. Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 33–59; Сударев Г.А.

контекстах¹⁸. Равным образом, направление современной дискуссии задают последние разработки Н.В.Тололаевой в области теории пассивного солидаритета, которая также охватывает отдельные аспекты деликтной ответственности¹⁹. Параллельно актуальные вопросы причинной связи в сравнительно-правовой перспективе обсуждаются в науке уголовного права, где эта проблематика стоит не менее остро²⁰. Помимо схожей уголовно-правовой дискуссии, необходимо отметить тесную взаимосвязь причинной

Некоторые трудности при определении границ вины потерпевшего // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 83–135.

¹⁸ Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 68–137; Останина Е.А. Некоторые аспекты возложения ответственности за совместно причиненный вред // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: Сборник статей / Рук. авт. колл. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2010. С. 374–385; Богданов Д.Е. Пределы деликтной ответственности в российском и зарубежном праве // Журнал российского права. 2011. № 7. С. 69–78; Богданов Д.Е. Влияние принципа справедливости на эволюцию учения о причинности в деликтной ответственности // Адвокат. 2012. № 7. С. 5–15; Богданов Д.Е. Солидарная деликтная ответственность с позиций справедливости // Цивилист. 2013. № 3. С. 47–55; Сераков В.В. Исторические аспекты предвидимости убытков. Соотношение предвидимости убытков в ст. 74 Венской конвенции 1980 г. и решении по делу *Hadley v. Baxendale* // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 289–301; Сераков В.В. Критерий предвидимости убытков. Извлечения из решений избранных арбитражей и судов по вопросу применения критерия предвидимости убытков в контексте ст. 74 Венской конвенции 1980 г. // Вестник международного коммерческого арбитража. 2013. № 1. С. 149–173; 2014. № 1. С. 149–165; Сераков В.В. Теория адекватной причинности как способ ограничения размера причиненных убытков // Вестник гражданского права. 2014. № 5. С. 233–252; Сераков В.В. Сравнительно-правовой анализ предвидимости убытков как способа ограничения размера причиненных убытков // Вестник гражданского права. 2016. № 4. С. 159–184; Карапетов А.Г. Средства защиты прав кредитора в свете реформы гражданского законодательства // Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 163–195; Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 24–80; № 12. С. 24–73; Ягельницкий А.А., Петроль О.Д. Спор о взыскании убытков. Как меняется подход судов к причинно-следственной связи // Арбитражная практика. 2016. № 1. С. 26–34; Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие / отв. ред. М.А. Егорова. М., 2017; Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 45–83; № 5. С. 55–84; Спиридонова Н.Б. Теории причинно-следственной связи: анализ содержания, соотношение с основными подходами зарубежной доктрины // Журнал РШЧП. 2018. № 3. С. 258–260; Белов В.А. Дело об убытках от африканской чумы свиней. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 09.06.2016 № 305-ЭС16-1712 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8. С. 16–19; Белов В.А. Что такое предвидимость? // Закон. 2019. № 3. С. 33–46; Маркелова А.А. Отдельные аспекты установления причинной связи в деликтах государства // Закон. 2019. № 3. С. 76–87; Ягельницкий А.А. О тенденциях судебной практики по делам об убытках // Закон. 2019. № 3. С. 47–55; Будылин С.Л. Оттого что в кузнице не было гвоздя. Причинная связь и предвидимость убытков в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия. 2020. № 1. С. 111–151; Насибуллина И.А. Причинно-следственная связь: камень преткновения в спорах с производителем и продавцом дефектных товаров // Закон. 2020. № 3. С. 57–68; Сударев Г.А. Взаимодействие причин и условий вреда. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 18.05.2020 № 78-КГ20-18 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 8. С. 5–29.

¹⁹ См. подробнее: Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: монография. М.: Статут, 2020. 144 с.

²⁰ См., например: Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08/Соктоев Зорикто Борисович. М., 2014. – 408 с.; Есаков Г.А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 81–102.

связи с процессуальными вопросами бремени и стандартов доказывания. В последнем отношении также стоит обозначить активизировавшиеся в последнее время разработки отечественной литературы и судебной практики²¹, что позволяет опереться в настоящем исследовании на уже знакомый российской юриспруденции категориальный аппарат. Наконец, будучи межотраслевым элементом юридической ответственности, причинная связь выступает также междисциплинарной категорией. И здесь нужно заметить, что юридическая наука развивает учение о причинной связи не менее интенсивно, чем богатое наследие философии, к отдельным направлениям которой мы также будем обращаться по ходу настоящего исследования.

Безусловно, ни одно современное исследование, посвященное проблематике причинно-следственной связи в деликтном праве, не могло бы состояться без величественного фундамента отечественной доктрины дореволюционного, советского и современного периодов. Настоящая работа не является исключением и опирается на богатое научное наследие таких ученых, как А.С. Кривцов, А.А. Симолин, И.А. Покровский, Т.М. Яблочков, И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц, М.М. Агарков, К.М. Варшавский, Е.А. Флейшиц, Б.С. Антимонов, О.С. Иоффе, Г.К. Матвеев, В.П. Грибанов, В.И. Кофман, Н.Д. Егоров, А.А. Собчак, В.А. Тархов, Е.А. Суханов, А.С. Комаров, В.В. Витрянский, В.А. Белов, В.В. Байбак, А.В. Егоров, А.Г. Карапетов и другие.

Проблематика альтернативной причинной неопределенности и в целом причинной связи в деликтном праве относительно подробно исследована за рубежом, в связи с чем в настоящем исследовании мы многократно обращаемся к работам таких ученых, как К. фон Бар (*C. von Bar*), Ж. Боргетти (*J. Borghetti*), Ф. Быдлински (*F. Bydlinisky*), Г. Вагнер (*G. Wagner*), К. ван Дам

²¹ См., например: Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. Приложение к Ежемесячному журналу. 96 с.; Смола А.А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 8. С. 129–165.

(*C. van Dam*), С. Виттакер (*S. Whittaker*), М. Гайстфельд (*M.A. Geistfeld*), Дж. Голдберг (*J.C.P. Goldberg*), Дж. Гордли (*J. Gordley*), У.В. Гортон Роджерс (*W.V. Horton Rogers*), В.Р. Джонсон (*V.R. Johnson*), Е. Зерводжианни (*E. Zervogianni*), Б. Зипурски (*B.C. Zipursky*), М. Инфантино (*M. Infantino*), Г. Калабрези (*G. Calabresi*), Г. Кельзен (*H. Kelsen*), К. Кётц (*K. Kötz*), Б.А. Кох (*B.A. Koch*), Х. Коциоль (*H. Koziol*), К. Крузе (*C. Kruse*), У. Ландес (*W.M. Landes*), У. Магнус (*U. Magnus*), М. Мартин-Казальс (*M. Martin-Casals*), Ф. Озборн (*P.H. Osborne*), Н. Оливейра (*N.M.P. Oliveira*), К. Олифант (*K. Oliphant*), Т. Оноре (*T. Honoré*), Р. Познер (*R. Posner*), У.Л. Проссер (*W.L. Prosser*), Р.У. Райт (*R.W. Wright*), Дж. Степлтон (*J. Stapleton*), Дж. Стил (*J. Steele*), С. Стил (*S. Steel*), А. фон Тур (*A. von Tuhr*), Э. Хайнрих (*E. Heinrich*), Г. Харт (*H.L.A. Hart*), Р. Циммерманн (*R. Zimmermann*), Н. Янсен (*N. Jansen*) и другие.

В то же время в российской цивилистической доктрине проблематика альтернативной причинной неопределенности и нахождения оптимальной модели ответственности в этой сфере остается одной из наименее разработанных тем в области причинно-следственной связи в деликтном праве. В отечественной литературе до настоящего времени отсутствуют специальные исследования, которые были бы посвящены углубленному и обстоятельному рассмотрению проблематики альтернативной каузальности. Накопленный отечественный и зарубежный опыт требует осмысления, критического анализа и обоснования оптимальной модели ответственности альтернативных делинквентов в парадигме современного российского деликтного права.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является постановка проблемы альтернативной причинной неопределенности в деликтном праве и критический анализ основных существующих моделей ответственности в данной группе ситуаций.

Названная цель предопределила задачи, решаемые в рамках настоящего исследования: установить процессуальные и материально-правовые

предпосылки ситуаций альтернативной каузальности в деликтном праве; вывести понятие и основные признаки, а также проанализировать основные жизненные обстоятельства – источники возникновения данной группы ситуаций; взвесить основные аргументы литературы и судебной практики против принципиального отказа в иске – в пользу удовлетворения исковых требований потерпевшего в ситуациях альтернативной причинной неопределенности; критически проанализировать основные модели ответственности альтернативных делинквентов в данной области и обосновать наиболее оптимальную из них с точки зрения базовых принципов правовой системы и действующего деликтного права; определить влияние обстоятельств в сфере ответственности потерпевшего на ситуацию альтернативной каузальности и обосновать с точки зрения тех же критериев оптимальную модель ответственности для случаев вхождения обстоятельств в сферу ответственности потерпевшего в группу альтернативных причин вреда.

Научная новизна исследования. Настоящая работа представляет собой первое в отечественной доктрине специальное исследование, посвященное анализу основных моделей деликтной ответственности в ситуациях альтернативной причинной неопределенности. Проблема альтернативной каузальности концептуализируется как материально-правовая категория во взаимосвязи с ее материально-правовыми и процессуальными признаками и предпосылками; вводятся в отечественный цивилистический дискурс и оцениваются основные аргументы зарубежной доктрины и судебной практики против принципиального отказа в иске – в пользу удовлетворения исковых требований потерпевшего в ситуациях альтернативной каузальности; критически анализируются основные модели ответственности альтернативных делинквентов и обосновываются наиболее оптимальные материально-правовые решения поставленной проблемы с точки зрения соответствия базовым принципам действующего деликтного права и процессуально-познавательной деятельности суда в состязательном процессе.

Теоретическая и практическая значимость работы. Полученные в

результате настоящего исследования выводы могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности, при реформировании гражданского законодательства, а также в ходе разрешения судебных споров. Сделанные выводы и содержащийся в работе фактический материал могут быть использованы в преподавательской деятельности.

Объект и предмет исследования. **Объектом** исследования являются общественные отношения, складывающиеся между потерпевшим и альтернативными делинквентами в ситуациях альтернативной причинной неопределенности. **Предметом** исследования являются нормативные модели ответственности альтернативных делинквентов, выдвинутые в юридической литературе, действующие нормативные акты, положения проектов международных частноправовых унификаций, судебные акты национальных судов, принимаемые для решения данной группы ситуаций.

Методология исследования. Современная дискуссия о причинной связи за рубежом представляет собой огромный поток литературы, посвященной самым разным аспектам этого явления, а подходы правопорядков к разрешению аналогичных ситуаций подчас значительно различаются между собой. Поэтому в настоящем исследовании активно используется **сравнительно-правовой метод** с обращением к опыту правопорядков Германии, Австрии, Франции, Англии, США и Канады, который подвергается критическому анализу. Также в работе применяется **функциональный метод** в значении преимущественной концентрации на общих (и претендующих на универсализм) тенденциях в рассматриваемых зарубежных подходах. В этих целях обращение делается в том числе к авторитетным зарубежным компаративным сборникам, а также к двум частноправовым унификациям – Принципам Европейского деликтного права (*Principles of European Tort Law, PETL*) и Модельным правилам Европейского частного права (*Draft Common Frame of Reference, DCFR*). Хотя названные источники «мягкого права» далеко не во всех своих положениях сформулировали европейский *common core* и нередко предлагают собственные решения, отличающиеся от

господствующего мнения, данные решения, создававшиеся авторитетными европейскими учеными в течение многих лет, нуждаются в критическом рассмотрении. В отдельных аспектах настоящего исследования применяется **исторический метод**, помогающий понять истоки, направления и тенденции развития современных отечественных нормативных и правоприменительных подходов. Кроме того, с учетом межотраслевого значения причинной связи, некоторые частноправовые теории и аргументы, выдвигаемые в рамках рассматриваемой проблематики, оцениваются через обращение к смежным вопросам из теории процессуального и уголовного права. **Сквозными методами** настоящего исследования выступают **системное, телеологическое, логическое и грамматическое толкование**.

Проведенное исследование позволило автору сформулировать и обосновать следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Установлено, что альтернативная причинная неопределенность как материально-правовая категория возникла в деликтном праве в результате обобщения регулярно повторяющихся на практике ситуаций, в которых потерпевшему был причинен вред кем-то из нескольких возможных делинквентов, которые своим упречным поведением существенно затруднили или сделали невозможным для потерпевшего доказывание причинной связи. Решение проблемы возмещения вреда дополнительно осложняется при установлении в числе альтернативных причин вреда обстоятельств в сфере ответственности потерпевшего, когда обоснованное предположение причинения вреда ответчиками не может быть опровергнуто, но может быть выдвинуто также против истца, в связи с чем сделать достоверный вывод относительно фактической причины вреда также невозможно. Вытекающее из принципа «истец доказывает» (*ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat*) решение в виде отказа в удовлетворении требования потерпевшего о возмещении вреда в ситуации альтернативной причинной неопределенности в ходе длительной исторической эволюции было отвергнуто в правопорядках Германии, Австрии, Франции, Англии, США и Канады в пользу

принципиальной допустимости привлечения альтернативных делинквентов к ответственности, несмотря на отсутствие достоверно установленной фактической причинной связи между их поведением (или иными обстоятельствами в их сфере ответственности) и вредом, наступившим на стороне потерпевшего. Проблема альтернативной причинной неопределенности регулярно возникает и в российской судебной практике, однако в настоящее время она не концептуализирована судами как материально-правовая категория, в результате чего в решениях по отдельным спорам в данной области не прослеживается единый подход, несмотря на наличие общих признаков и предпосылок.

2. Принципиальное вменение деликтной ответственности в ситуациях альтернативной причинной неопределенности, независимо от избрания правопорядком той или иной модели ответственности, обосновывается в зарубежной доктрине и судебной практике такими аргументами, как: необходимость превенции (предупреждения) вреда и стимулирования надлежащего поведения; существенное повышение альтернативными делинквентами риска (создание конкретной угрозы) причинения данному потерпевшему такого вреда, который у него фактически наступил (идея общей гипер-адекватности поведения альтернативных делинквентов наступившим последствиям при невозможности сделать достоверный вывод о наличии причинной связи в конкретном случае); доказательство «от противного» (полное или частичное удовлетворение исковых требований в ситуации альтернативной каузальности не так несправедливо, как отказ в иске); выполнение потерпевшим максимально требуемого от него в данной ситуации бремени доказывания и установленное отсутствие оснований для отнесения вреда к сфере его ответственности; порождение ситуации неопределенности упречным поведением альтернативных делинквентов и недобровольный характер деликтного обязательства; некоторые утилитаристские теории гражданско-правовой ответственности, обосновывающие необходимость отнесения вреда на лицо, которому экономически легче нести его последствия.

3. Доказано, что применение модели долевой ответственности, пропорциональной вероятности причинения вреда альтернативными делинквентами, в ситуации альтернативной причинной неопределенности, возникновение которой хотя бы в некоторой (непренебрежимой) части нельзя вменить потерпевшему, не соответствует исходным предпосылкам существующего деликтного права и нарушает правила процессуальной познавательной деятельности суда. В частности, данное решение влечет гораздо большее искажение основных принципов гражданско-правовой ответственности, чем побочные негативные эффекты баланса вероятностей и принципа «все или ничего»; применение модели пропорциональной ответственности ведет к отказу от принципа корректирующей справедливости классического деликтного права, не предусматривая адекватного решения для существующей правовой системы; возникает опасность редукции развитой системы деликтной ответственности к примитивному правилу «грех пополам»; пропорциональная ответственность ставит эвентуально не разрешимые *de lege lata* проблемы обоснования уполномоченности конкретного потерпевшего на получение возмещения вреда от альтернативных делинквентов и ограничения ответственности каждого из них в правоотношении с потерпевшим; пропорциональная ответственность принципиально не нуждается в фигуре потерпевшего и установлении фактической причинной связи.

4. Установлено, что основными нормативными и правоприменительными решениями, обосновывающими модель солидарной ответственности альтернативных делинквентов в ситуациях альтернативной причинной неопределенности (в качестве общего правила или в ограниченном перечне случаев) в правовых системах Германии, Австрии, Франции, Англии, США и Канады, служат перераспределение бремени доказывания при существенном повышении альтернативными делинквентами риска (создании конкретной угрозы) причинения данному потерпевшему такого вреда, который у него фактически наступил; перераспределение бремени доказывания при схожей

деятельности альтернативных делинквентов; теория лишения потерпевшего права на иск к фактическому делинквенту. В российском деликтном праве с учетом его гибкости и адаптируемости потенциально может быть применим любой из названных подходов, однако наиболее адекватным решением, вскрывающим материально-правовую проблему, стоящую за ситуацией альтернативной каузальности, является теория лишения потерпевшего права на иск к фактическому делинквенту, которое устанавливается с применением теста на существенное повышение альтернативными делинквентами риска (создания конкретной угрозы) причинения данному потерпевшему такого вреда, который у него фактически наступил.

5. Доказано, что основная дифференциация случаев альтернативной причинной неопределенности должна осуществляться по признаку наличия или отсутствия в группе альтернативных причин вреда обстоятельств в сфере ответственности потерпевшего в связи с переходом деликтной ответственности от одного нормативного основания (корректирующей справедливости во внешнем правоотношении каждого альтернативного делинквента с непричастным потерпевшим) к другому (распределяющей справедливости во внутренних правоотношениях участников группы альтернативных источников вреда, включающей в себя обстоятельства в сфере ответственности потерпевшего).

6. Обосновано, что если потерпевший при установлении всех признаков альтернативной причинной неопределенности, возникновение которой нельзя хотя бы в некоторой (непренебрежимой) части вменить сфере ответственности потерпевшего, доказывает с помощью баланса вероятностей, что каждый из группы ответчиков – альтернативных делинквентов – своим упречным поведением создал конкретную угрозу (повышенный риск) причинения данному потерпевшему такого вреда, который у него фактически наступил, то все ответчики должны нести солидарную ответственность за наступивший вред, с тем исключением, что каждый из ответчиков вправе доказать с помощью баланса вероятностей отсутствие причинной связи между

собственным поведением и наступившим вредом. В ситуации альтернативной причинной неопределенности, возникновение которой хотя бы в некоторой (непренебрежимой) части можно вменить сфере ответственности потерпевшего, каждый альтернативный делинквент должен нести перед потерпевшим долевую ответственность за наступивший вред пропорционально доказанной вероятности причинения этого вреда каждым альтернативным делинквентом, а в случае невозможности хотя бы примерного расчета – в равных долях за вычетом доли, падающей на потерпевшего.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности исследования подтверждается проведенным анализом зарубежных и отечественных нормативных актов, судебной практики и доктринальных источников, постановкой целей и задач исследования и избранной методологической основой исследования.

Диссертация обсуждена на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Апробация результатов исследования осуществлялась посредством публикаций специальных статей в научных изданиях²² (объемом 8,35 п.л.), в форме выступлений с докладами на конференции²³ и круглом столе²⁴ и путем использования полученных выводов в преподавательской деятельности при проведении семинарских занятий по гражданскому праву на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

²² Лухманов М.И. Установление фактической причинной связи в деликте // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 86–132; Лухманов М.И. Необходимость отнесения вреда на лицо, которому экономически легче нести его последствия, как аргумент для решения проблемы альтернативной каузальности в деликтном праве // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 88–107; Лухманов М.И. Вероятностный характер научных представлений о причинно-следственной связи как аргумент в пользу пропорциональной ответственности в ситуации альтернативной каузальности // Законодательство. 2022. № 6. С. 7–12; Лухманов М.И. Понятие, признаки и основные источники альтернативной причинной неопределенности в деликтном праве // Вестник экономического правосудия. 2022. № 7. С. 104–119; Лухманов М.И. Условия и пределы применения солидарной ответственности для решения проблемы альтернативной каузальности в деликтном праве: сравнительно-правовой аспект // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 210–241.

²³ Лухманов М.И. Выступление 19.04.2022 с докладом «Вероятностный характер научных представлений о причинно-следственной связи как аргумент в пользу пропорциональной ответственности в ситуациях альтернативной причинной неопределенности» на секции гражданского права XXIX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022».

²⁴ Лухманов М.И. Выступление 08.04.2020 с докладом «Проблема причинно-следственной связи» на круглом столе «Основные проблемы деликтного права. Введение» Исследовательского центра частного права (ИЦЧП) имени С.С. Алексеева при Президенте РФ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, описывается степень ее разработанности, определяются цели, задачи, объект и предмет исследования, его методология, демонстрируется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, указываются степень достоверности и формы апробации результатов исследования.

Первая глава **«Постановка проблемы альтернативной причинной неопределенности в деликтном праве»** включает в себя четыре параграфа.

В первом параграфе **«Проблема выбора между единоличной ответственностью, множественностью делинквентов и отказом в иске: убеждение и вероятность»** рассматриваются критерии отграничения случаев единоличной деликтной ответственности от ситуаций с множественностью делинквентов и необходимостью полного отказа в иске, для чего делается обращение к смежным с процессуальной теорией вопросам стандартов и бремени доказывания, соотношения вероятности и убежденности, дискуссии о значении научно-статистических исследований для установления фактической причинной связи. Обосновывается, что независимо от принятого в правопорядке стандарта доказывания существо отправления правосудия и принцип разрешенного спора (*res iudicata*) предполагают, что суд не может в своем решении установить спорное обстоятельство только в какой-то определенной части или до какой-то известной степени: он констатирует либо его наличие, либо его отсутствие. При этом ни один стандарт доказывания не предполагает подмену убежденности относительно наличия или отсутствия спорного факта его вероятностью: вероятность выступает только одним из

источников формирования убежденности.

Рассмотрение описанных тезисов позволяет прийти к выводу о том, что для отграничения случаев единоличной ответственности от ситуаций с множеством делинквентов суд должен на балансе доказательственных вероятностей прийти к конкретному убеждению в том, что у наступившего вреда имеется скорее одна фактическая причина, чем несколько, и заключена она в поведении делинквента. Невозможность прийти к такому выводу либо влечет отказ в удовлетворении исковых требований, либо (при доказанности фактической причинной связи в отношении нескольких ответственных лиц) порождает ситуацию множественности делинквентов (кумулятивной причинной связи), либо (при установлении специфических признаков, рассматриваемых далее) порождает ситуацию альтернативной причинной неопределенности.

Во втором параграфе **«Понятие и признаки альтернативной причинной неопределенности»** с учетом накопленных данных и вводных материально-правовых и процессуальных предпосылок выводятся понятие и основные признаки ситуаций альтернативной причинной неопределенности в деликтном праве.

На сравнительно-правовом и историческом материале демонстрируется, что в юридико-техническом смысле ситуация альтернативной причинной неопределенности возникает при установлении ограниченной группы из нескольких возможных причин вреда, среди которых достоверно есть одна или несколько фактических причин вреда, однако установить фактическую причину вреда из группы альтернативных причин в соответствии с обязательным в данной процессуальной форме стандартом доказывания для суда в состязательном процессе невозможно. Альтернативные причины, в свою очередь, могут быть как деликтного, так и не деликтного свойства (встречная вина, непреодолимая сила, неблагоприятная рыночная конъюнктура и иные обстоятельства в сфере ответственности потерпевшего).

Выделяются следующие признаки альтернативной причинной

неопределенности:

1) На необходимом стандарте доказывания (с помощью критериев существенного повышения риска, или создания конкретной угрозы, или схожего характера деятельности) установлена ограниченная группа из нескольких альтернативных причин вреда (mA), среди которых есть одна или несколько фактических причин вреда ($n\Phi$): $n\Phi \in mA$, где $n \geq 1$, а $m > n$;

2) В соответствии с обязательным в данной процессуальной форме стандартом доказывания установлено, что число фактических причин вреда меньше числа альтернативных причин: $n\Phi < mA$;

3) Определение (выбор) одной или нескольких фактических причин вреда из установленной группы его альтернативных причин в соответствии с обязательным в данной процессуальной форме стандартом доказывания для суда в состязательном процессе невозможно;

4) В соответствии с обязательным в данной процессуальной форме стандартом доказывания установлены все остальные элементы деликтной ответственности применительно к каждому альтернативному делинквенту.

В третьем параграфе «**Основные источники альтернативной причинной неопределенности**» анализируются наиболее распространенные группы жизненных обстоятельств – источников этого явления. Среди них выделяются:

1) Недостаточная изученность в науке того или иного явления и объективные пределы человеческого познания.

2) Прошествие времени после причинения вреда.

3) Человеческий фактор и затруднения материального характера, которые полностью или частично могут быть вменены альтернативным делинквентам.

В четвертом параграфе «**Анализ основных аргументов в пользу принципиального вменения ответственности (против полного отказа в иске)**» критическому анализу подвергаются выработанные доктриной и судебной практикой основные аргументы в пользу принципиального вменения ответственности – против полного отказа в иске потерпевшему в ситуации альтернативной каузальности. В компаративной литературе можно

заметить определенную схожесть в направлениях эволюции судебной практики развитых зарубежных правовых порядков: отказ в удовлетворении исковых требований и применение классических правил установления причинной связи в XIX – начале XX вв. приводят к осознанию несправедливости и неудовлетворительности общего подхода, и уже в середине XX в. судебная практика меняется в пользу потерпевших, удовлетворяя их требования к альтернативным делинквентам полностью или в пропорциональной части. В числе основных аргументов в пользу данного решения подробно рассматриваются следующие:

- 1) Выполнение деликтным правом цели превенции: необходимость предупреждения вреда и стимулирования надлежащего поведения.
- 2) Существенное повышение альтернативными делинквентами риска (создание конкретной угрозы) причинения данному потерпевшему такого вреда, который у него фактически наступил.
- 3) Доказательство «от противного» (*contradictio in contrarium*).
- 4) Выполнение потерпевшим максимально требуемого от него в данной ситуации бремени доказывания и установленное отсутствие оснований для отнесения вреда к сфере его ответственности.
- 5) Порождение ситуации неопределенности упречным поведением альтернативных делинквентов и недобровольный характер деликтного обязательства.
- 6) Необходимость отнесения вреда на лицо, которому экономически легче нести его последствия.

Вторая глава (**«Пропорциональная и солидарная модели ответственности в ситуациях альтернативной причинной неопределенности: критический анализ»**) посвящена рассмотрению основных моделей ответственности, применяемых в ситуациях альтернативной каузальности: солидарной ответственности в полном размере и пропорциональной ответственности, основанной на вероятности причинения вреда альтернативными делинквентами. Вторая глава также

включает в себя четыре параграфа.

В первом параграфе **«Критика модели пропорциональной ответственности, основанной на вероятности причинения вреда»** обосновывается, что модель пропорциональной ответственности альтернативных делинквентов не соответствует исходным предпосылкам действующего деликтного права и нарушает правила процессуальной познавательной деятельности суда. В обоснование высказанного тезиса приводятся следующие аргументы:

1) Вероятностный характер современных научных представлений о причинно-следственной связи уменьшает уверенность в эвентуальной познаваемости мира, но не влияет на формально-логическую структуру суждения о причинно-следственной связи как механизма описания необходимой взаимосвязанности явлений, которым оперирует правовая система для установления деликтной ответственности.

2) Модель пропорциональной ответственности предполагает отступление от базовых правил процессуальной познавательной деятельности, влекущее гораздо большее искажение основных принципов гражданско-правовой ответственности, чем побочные негативные эффекты баланса вероятностей и принципа «все или ничего».

3) Критика пороговых вероятностных значений и последующее возвращение к ним представляют собой порочный круг в аргументации.

4) Применение модели пропорциональной ответственности ведет к отказу от принципа корректирующей справедливости классического деликтного права без предложения когерентного решения для существующей правовой системы.

5) Расчет конечного (после завершения всех судебных процессов) выравнивания во внешних и внутренних отношениях участников массовых деликтов с множественностью альтернативных потерпевших и альтернативных делинквентов, стремящийся восстановить поправное равновесие, является искусственным и недостижимым.

6) Применение модели пропорциональной ответственности порождает опасность редукции развитой системы деликтной ответственности к примитивному правилу «грех пополам».

7) Пропорциональная ответственность ставит эвентуально не разрешимую *de lege lata* проблему обоснования управомоченности конкретного потерпевшего на получение возмещения вреда от альтернативных делинквентов и ограничения ответственности каждого из них в правоотношении с потерпевшим.

8) Пропорциональная ответственность принципиально не нуждается в фигуре потерпевшего и установлении причинной связи.

Во втором параграфе **«Анализ доктрины потери шанса (*loss of chance*) как решения проблемы альтернативной причинной неопределенности»** рассматривается тесно связанная с категорией альтернативной каузальности доктрина утраты шанса на благоприятный исход как возможное решение проблемы настоящего исследования. Обосновывается, что теория утраты шанса, возникшая как способ смягчить отдельные последствия принципа «все или ничего», представляет собой еще один способ (технику) описания модели пропорциональной ответственности, основанной на вероятности причинения (избежания) вреда, и может применяться только для некоторой части ситуаций альтернативной каузальности. Возражения против этой модели ответственности как таковой были представлены выше.

В третьем параграфе **«Критика и апология солидарной ответственности как решения проблемы альтернативной причинной неопределенности»** рассматривается и обосновывается в качестве общего правила решения проблемы настоящего исследования модель солидарной ответственности альтернативных делинквентов. Основными нормативными и правоприменительными решениями, обосновывающими применение данной модели ответственности в развитых зарубежных правовых порядках в качестве общего правила или в ограниченном перечне случаев служат:

1) Перераспределение бремени доказывания при существенном

повышении риска (создании конкретной угрозы) причинения данному потерпевшему такого вреда, который у него фактически наступил (Германия, Австрия, Англия, Канада и США).

2) Перераспределение бремени доказывания при схожей деятельности альтернативных делинквентов (Франция, отчасти Англия и Канада).

3) Теория лишения потерпевшего права на иск к фактическому делинквенту (*prevented claim theory*) (отчасти все вышеуказанные правовые порядки на уровне эпизодически возникающего аргумента в литературе и судебной практике).

При этом первые два решения объединяет идея перераспределения бремени доказывания отсутствия причинной связи на ответчиков, что, как представляется, скрывает за собой некоторую процессуальную уловку – особенно на фоне фактических обстоятельств реальных судебных дел, из которых эта идея сформировалась. В этих делах доказывание причинной связи было признано объективно невозможным, поэтому отнесение на ответчика бремени доказывания отсутствия причинной связи может показаться попыткой правового порядка снять с себя ответственность за невозможность справедливого разрешения спора. При этом нужно оговориться, что в случаях асимметрии в доступе к доказательствам перенесение бремени доказывания отсутствия причинной связи на альтернативных делинквентов может быть обоснованным с процессуальной точки зрения.

Возникновение теории лишения потерпевшего права на иск к фактическому делинквенту обусловлено интуитивно ощущаемой несправедливостью ситуации, которую породили обстоятельства в сфере ответственности альтернативных делинквентов. При установлении потерпевшим перед судом всех признаков альтернативной каузальности содержанием ответственности альтернативных делинквентов действительно может быть только возмещение потерпевшему чисто экономического вреда в связи с невозможностью привлечения фактического делинквента к ответственности за первичный вред. Перенесение отношений в такую плоскость поднимает все затруднения и

возражения, связанные с чисто экономическим вредом. Однако более детальный анализ критических аргументов показывает, что доводы для их опровержения имеются, и их можно и нужно развивать в дальнейшем.

Солидарный характер ответственности альтернативных делинквентов основывается на четырех базовых предпосылках: безупречное поведение самого потерпевшего; статус потерпевшего как недобровольного кредитора, требующий повышенной защиты; принцип относительности обязательственных отношений; способность потерпевшего доказать на балансе вероятностей создание каждым из альтернативных делинквентов конкретной угрозы (повышенного риска) причинения данному потерпевшему такого вреда, который в итоге фактически наступил.

На основании изложенного делается вывод о том, что если потерпевший при установлении всех признаков альтернативной причинной неопределенности, возникновение которой нельзя хотя бы в некоторой (непренебрежимой) части вменить сфере ответственности потерпевшего, доказывает с помощью баланса вероятностей, что каждый из группы ответчиков – альтернативных делинквентов – своим упречным поведением создал конкретную угрозу (повышенный риск) причинения данному потерпевшему такого вреда, который у него фактически наступил, то все ответчики должны нести солидарную ответственность за наступивший вред, с тем исключением, что каждый из ответчиков вправе доказать с помощью баланса вероятностей отсутствие причинной связи между собственным поведением и наступившим вредом.

В четвертом параграфе **«Основание и пределы применения модели пропорциональной ответственности, основанной на вероятности причинения вреда, в ситуации, когда хотя бы одна альтернативная причина лежит в сфере ответственности потерпевшего»** последовательно проводится дифференциация всех случаев альтернативной каузальности по критерию наличия или отсутствия в группе альтернативных причин вреда обстоятельств в сфере ответственности потерпевшего. Необходимость такого

различия обусловлена переходом деликтной ответственности в рассматриваемой группе ситуаций от одного нормативного основания (корректирующей справедливости во внешнем правоотношении каждого альтернативного делинквента с непричастным потерпевшим) к другому (распределяющей справедливости во внутренних правоотношениях участников группы альтернативных источников вреда, включающей в себя обстоятельства в сфере ответственности потерпевшего).

Сохраняют свое значение аргументы о необходимости превенции ненадлежащего поведения альтернативных делинквентов и создании ими конкретной угрозы (повышенного риска) причинения вреда. Однако вхождение обстоятельств в сфере ответственности потерпевшего в число альтернативных причин вреда порождает у каждого альтернативного делинквента возражение против заявленного требования о наличии альтернативной причины вреда в сфере ответственности потерпевшего. При этом данное возражение само по себе не снимает каузальный вопрос в отношении альтернативных делинквентов, что позволяет перенести внутренние отношения выравнивания между альтернативными делинквентами во внешние отношения с потерпевшим. В результате для данной квалифицированной группы ситуаций обосновывается применение модели пропорциональной ответственности альтернативных делинквентов, основанной на вероятности причинения вреда каждым из них, а в случае невозможности хотя бы примерного расчета – в равных долях за вычетом доли, падающей на потерпевшего.

В Заключении кратко изложены выводы, полученные в ходе исследования.

ОСНОВНЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

**Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по
специальности 5.1.3 (12.00.03)**

1. Лухманов М.И. Установление фактической причинной связи в деликте // Вестник гражданского права. - 2021. - № 5. - С. 86–132. – 3,30 п.л. (пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,604).
2. Лухманов М.И. Необходимость отнесения вреда на лицо, которому экономически легче нести его последствия, как аргумент для решения проблемы альтернативной каузальности в деликтном праве // Вестник гражданского права. - 2022. - № 1. - С. 88–107. – 1,36 п.л. (пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,604).
3. Лухманов М.И. Вероятностный характер научных представлений о причинно-следственной связи как аргумент в пользу пропорциональной ответственности в ситуации альтернативной каузальности // Законодательство. - 2022. - № 6. - С. 7–12. – 0,36 п.л. (пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,200).
4. Лухманов М.И. Понятие, признаки и основные источники альтернативной причинной неопределенности в деликтном праве // Вестник экономического правосудия. - 2022. - № 7. - С. 104–119. – 1,1 п.л. (пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,824).
5. Лухманов М.И. Условия и пределы применения солидарной ответственности для решения проблемы альтернативной каузальности в деликтном праве: сравнительно-правовой аспект // Вестник гражданского права. - 2022. - № 3. - С. 210–241. – 2,23 п.л. (пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,604).